

Никто не обратил внимания на скрытое волнение между ними. Большая часть знати по-прежнему была втянута в столь необычный со стороны князя Мина спор, и хотя сами господа совершенно не одобряли его «не разделять на высшие и низшие ранги», но увидев, как силэйский фуши от нескольких фраз Его Светлости начал запинаться, а его лицо посерело, наоборот, нашли данную сцену забавной и способной развеять их тоску.

— Простолюдины ничтожны в своём происхождении, — после долгого томления наконец выдал Су Цзиньчао, — даже если они имеют небольшие заслуги перед знатью, всё же они не в силах изменить своё происхождение.

Фэн Мин уже давно предугадал, каков будет ответ помощника Су. Вот только даже сделав это, князю очень хотелось врезать кулаком по его белоснежному лицу, попутно называя «свиньёй»! Хотя князь очень долгое время находился среди титулованной знати, только впервые Его Светлость сталкивался с таким упрямым подлецом, который воображал себя уважаемым человеком.

«Ты ничтожная свинья, которая только и знает, что вести сытую весёлую жизнь!»

К сожалению, на императорском банкете если бы прозвучали подобные слова, то не только облик силэйского князя Мина, представляющего ещё интересы молодого господина рода Сяо, но и даже облик Жун Тяня вместе с этим разрушился бы.

Его Светлости только и оставалось, сохраняя самообладание, спешно натянуть лёгкую улыбку:

— Итак, позвольте спросить помощника Су, откуда произошла благородность знати, как считаете?

Заметив, что его вопрос остался без внимания, Су Цзиньчао подумал: «У этого негодяя наверняка нет слов, чтобы оказать мне сопротивление».

Проскользнувшая мысль прибавила достаточно много веры в себя, которая исчезла совсем недавно. Однако услышав, что Его Светлость решил сменить тему, юноша, сохраняя самообладание, одним махом вздёрнул к потолку нос:

— От происхождения.

Вот уж действительно бессодержательный ответ. Фэн Мин, смеясь, продолжил:

— Происхождение решает, благороден ли человек, от этого зависит его будущее, а также — будущее потомков, верно?

— Именно так.

— Так если давно всё решено, то какая радость останется в жизни? Всего-навсего нужно идти

по пути предков, что проложили свой путь до нас, но какой тогда смысл в борьбе и усердии?

Спор с основной темы внезапно перескочил на другую, разговор о рангах сменился человеческой жизнью. Подобная дискуссия вызвала бы глубочайшее удивление даже у Жун Тяня, присутствуй он на банкете.

С таким острым вопросом вынужденно столкнулись бы рано или поздно, и сейчас этих слов было достаточно, чтобы заставить знатных и сведущих людей, присутствующих там, которые с любопытством со стороны наблюдали за обсуждением темы высших и низших рангов, задуматься.

Царствующий дядюшка Цин Чжан превратился в слух, приняв сосредоточенный вид, принцесса Чан Лю больше всего изменилась в лице, даже только что заостривший внимание на Цзы Яне даньлинский принц несколько изумился и совершенно новым взглядом посмотрел на находящегося в центре зала Фэн Мина.

Су Цзиньчао, явно не в состоянии поспорить с таким глубоким высказыванием, снова грубо фыркнул:

— Вы такой непоследовательный, до каких пор будете смешивать одно с другим? Поначалу мы должны были обсуждать указ «О равной милости», но Вы ушли от темы, начав говорить про разделения рангов, ничего толком не разъяснив и здесь, теперь снова сменили тему, заговорив про радости человеческой жизни. Ха, если разговор продолжится, то, боюсь, до рассвета так и не получится, в итоге, ничего высказать. По-моему, Вам лучше всё-таки заткнуться.

Не дожидаясь, пока Фэн Мин откроет рот, Хэ Ди, облокотившись на подушку и подавив зевок, неожиданно вмешался в разговор, при этом подражая интонации Су Цзиньчао:

— Ха, этот принц всё-таки ошибочно полагал, что в стране Тун процветающие, открытые и доброжелательные нравы и спорить в стенах императорского дворца можно непринуждённо без оскорблений, а оказывается, ещё можно затыкать говорящего.

Хоть фраза и прозвучала лениво, однако в ней выражалась поддержка в сторону Фэн Мина. В конце концов, это была огромная честь — принц другой страны демонстрировал мощь правящего дома Даньлин.

Хэ Юаньцзян, будучи умным человеком, совершенно не похожим на эту импульсивную бестолочь, Су Цзиньчао, понимал — оскорбление, нанесённое ни с того ни с сего даньлинскому царствующему роду, грозит непредсказуемыми последствиями, потому спешно вставил слово, опережая Су Цзиньчао, который уже собирался ответить Хэ Ди:

— Это императорский дворец Тун, — мягко со смехом начал мужчина. — Мы являемся лишь гостями, а значит, остановиться или продолжать молодому господину рода Сяо говорить, решать лишь хозяину дворца.

Цин Чжан, чтобы в дальнейшем с лёгкостью нанести удар по князю Мину, сейчас должен был сохранять хорошие отношения с ним, поэтому, естественно, выступил в поддержку Его Светлости, смеясь так, как мог только он, царствующий дядюшка, и попутно махнув рукой:

— Молодой господин рода Сяо известен своей мудростью, к счастью, внимательно послушать мудрые слова никогда не поздно, к тому же я тоже хочу познать радости жизни. Молодой господин рода Сяо, прошу, пожалуйста, продолжайте.

В главном зале раздался ещё один вздох недовольства, на этот раз исходящий не от Су Цзиньчао, а от уже негодующего Цин Ли, которому только и оставалось, что фыркать. Ничего не поделав, более того, почему назвавший себя «хорошим другом» и поклявшийся передать ему, принцу Тун, самые острые в мире клинки даньлинский принц Хэ Ди выказал поддержку этому подлецу, князю Мину?

Даже если он принял, пусть и принудительно, множество лекарств, вносящих в мысли сумбур, сейчас Его Высочество прекрасно понимал — нельзя упускать могучую опору в лице Хэ Ди.

Ну а Фэн Мин, получив поддержку некоторых людей, был вне себя от неожиданной радости.

После позволения Цин Чжана общее настроение, в конце концов, несколько улучшилось, став дружелюбнее. Даже Хэ Юаньцзян вышел разрядить обстановку, и даньлинский принц Хэ Ди, казавшийся весьма удивительным человеком, неоднократно проявлял настойчивую, можно сказать, поддержку Фэн Мину, вызывая у последнего тёплые чувства. Но откуда Его Светлость мог знать, что Хэ Ди, «доброе сердце» которого встречается лишь раз за тысячелетие, полностью заострил внимание на сидящем позади князя подчинённом, источавшем аромат недоступности.

Под пристальным взглядом сотни глаз Фэн Мин, спокойный и одарённый бесподобной красотой как внешне, так и в плане манер, неспешно с улыбкой вымолвил:

— Жизнь — вот, что ценно.

С этими высокопоставленными, но всё же с огромной разницей в рангах, чиновниками больше невозможно было обсуждать первоначальную тему о высших и низших сословиях, так же как и переубедить стаю волков стать вегетарианцами. Потому Фэн Мин сказал лишь одну умно выбранную фразу, с которой большинство присутствующих сошлось во мнении.

— Чтобы повзрослеть, человеку требуется полный риска опыт! Матушка во время беременности должна быть внимательной, не допуская небрежности, ведь если упадёт, то ребёнку не суждено будет появиться на свет, а если он родится, такую хрупкую жизнь нужно выкармливать, оберегать, и только тогда дитя сможет спокойно вырасти, сформироваться. Сколько людей для его взросления понадобится? Бесчисленное количество душевных сил способно создать жизнь, неужели это не ценно? Неужели подобное не следует беречь? Неужели всю жизнь хотите жить по примеру Мо Ди, держась установленных образцов[1], — жить по правилам предков в ограничениях, заключая себя во всевозможные оковы?

Подобная крайне чувственная речь как нельзя кстати соответствовала чуткому характеру и неуёмной фантазии[2] князя Мина. Охватившее поначалу беспокойство, по мере дальнейшего спокойного выступления, отступало и в конце концов исчезло без следа.

Фэн Мин не понимал, что его интонация, вытянутая в струнку осанка, присущая молодому человеку с выдающимся талантом и внешностью, и бледное лицо, от которого исходило словно лунное сияние, постепенно вовлекали всех находящихся в зале гостей в принадлежащий ему, князю, мир.

— Жизнь такая драгоценная, каждой секундой необходимо как следует дорожить, поскольку времени отведено мало, ведь человеческая жизнь не длится столетия, и время, что мы тратим на беседы, вздохи, еду и созерцание песен и танцев, утекает сквозь наши пальцы. Несмотря на какие-либо желания здесь присутствующих, я, по крайней мере, не хочу прожить жизнь по примеру Мо Ди, как по шаблону, согласно своему происхождению. Раз хорошее происхождение, значит, и жизнь весёлая и сытая, а плохое — будешь страдать, свесив голову. В моих глазах человеческая жизнь вовсе не рисуется устаревшей картиной «выходец старинной крови», а, наоборот, она чистый лист бумаги. Решение, какие именно штрихи нанести, зависит только от меня. Каким предстанет передо мной будущее — хорошим или плохим, роскошно и сыто буду жить или нет — совершенно не важно. Если хотел воспользоваться благом, то, возможно, остался бы в большом доме рода Сяо, где сидел бы в своих покоях и наслаждался драгоценностями. Но какой смысл в подобной жизни? Раз уж рождён как человек, то должен пользоваться наилучшим образом собственной дорогой жизнью, не транжирить, жить, исходя из собственного взгляда, быть свободным где бы то ни было[3] счастливым скитальцем, быть самим собой и заниматься любимым делом, на всех парах стремиться к своей мечте, даже если она недостижимая, даже если сейчас нет возможности приблизиться к ней и поэтому придётся потратить всю жизнь, по крайней мере, чтобы в последние свои минуты можно было улыбнуться и умереть. Человеческая жизнь крайне страшна отсутствием опыта и невзгод, а перед смертью, оглянувшись в прошлое, огорчишься, поскольку в этой жизни прожил, так ничего и не добившись, словно простое насекомое[4], и умрёшь без единого шрама на теле, — последнее слово прозвучало беззвучно.

Княжеские манеры и способность во время своего монолога делать мечтательный вид, казалось, окрашены неопределимыми светлыми чувствами, которые, вызывая удивление, проникали в сердца гостей. В один миг в просторном зале воцарилась глубокая тишина, и это было невероятное зрелище.

Фэн Мин избрал стратегию, которая являлась наиболее оптимальным оружием для «ласковой» атаки, то есть запустил в мир знати «свирепого тигра», именно так представлялась благородным людям скучная жизнь.

Хоть роскошь, деньги, почёт и веселье бесконечны, но жить как во хмелю и умереть как во сне[5] по-прежнему означало однообразие, словно души поросли сорняком от бесплодности и безжизненности.

— Хорошо сказано.

И в полной тишине внезапно, словно журавль среди кур[6], поднялся стройный мужчина,

державший в обеих руках чашечку с вином, вышел из-за столика, и, широким шагом подойдя к Его Светлости, с минуту внимательно вглядывался в княжеское лицо, после чего украсил своё красивое лицо улыбкой:

— Однажды, ещё в те года, услышал от наследного принца Боцзянь упоминание о молодом господине рода Сяо, который, будучи во дворце Боцзянь, поведал о сказке про сон Чжуан-цзы[7], мысль данной истории была глубока и оставляла бесконечное послевкусие. Однако, никак не думал, что сегодня У Цяню посчастливится услышать от молодого господина Сяо развёрнутое мнение о человеческой жизни.

Перед князем Мином стоял тот самый величественный мужчина, на которого Его Светлость ещё в самом начале грандиозного банкета обратил внимание. Его звали У Цянь, а значит, предположения Жун Ху оказались верными.

— Прошу молодого господина рода Сяо испить вина. — И У Цянь, держа в обеих руках чашечку, протянул Фэн Мину, а блестящий взгляд чёрных бездонных глаз проник в княжеские омуты. — Почтите вином, а та последняя фраза молодого господина рода Сяо означает, что каждый должен беречь свою жизнь, чтобы быть самим собой и заниматься любимым делом, верно?

Испытывая удовольствие по отношению к личным качествам этого мужчины, Фэн Мин подумал: «Его взгляд наполнен честностью, стоит один раз посмотреть, и понимаешь, что этот мужчина совершенно не уживётся с таким типом, как Цин Ли, да и не удивительно, хоть он является частью императорского рода, но не любит тратить много» — и, обнажив улыбку на красивом лице, князь уже собрался принять из рук У Цяня чашку, как появившийся неизвестно откуда Ло Юнь, учтиво следовавший позади Его Светлости, тихо перехватил поднесённое вино.

Неужели чтобы проверить, отравлено оно или нет?

На императорском банкете под тяжестью многочисленных взоров проверять на яд вино, поднесённое с почтением собственноручно членом правящего дома Тун! Слишком постыдно...

Князь, обернувшись, вытаращился[8] на телохранителя, который как раз поднёс чашечку к носу и, понюхав, высунул язык, смочил его кончик в терпком напитке и только потом «почтенно», также держа обеими руками, вернул князю:

— Молодой господин может пить без опаски.

Понимая, что сам повлиять на подобное не в состоянии, Фэн Мин только и мог, сохраняя великодушие, вернуть улыбку У Цяню, извиняясь:

— Прошу прощения, моя матушка[9] строго-настрого приказала любую пищу или напиток давать Ло Юню на тщательную проверку, вызывая смех у других.

У Цянь, демонстрируя достаточно превосходное поведение, лишь ответил:

— Матушка, как и все матушки в мире, безмерно любит и по-настоящему переживает за своего ребёнка, разве это может вызвать смех?

И, выпив поднесённое с почётом вино, мужчины одновременно вернулись на циновки.

Сев за свой столик, Фэн Мин сразу же приблизился к Ло Юню и приглушённо сказал:

— В следующий раз не надо так делать. Это ведь официальный банкет, ты понимаешь, что своими действиями препятствуешь и ставишь в крайне неловкое положение другую сторону?

— Жизнь такая драгоценная, нельзя допускать даже малейшей оплошности, — также вернул шёпотом телохранитель с вечно холодным лицом. — Радость жизни подчинённого — не позволить господину, которого он защищает, пострадать от какой-либо нежданной беды.

Фэн Мин задохнулся от услышанного ответа, так как этот юнец продемонстрировал достаточно неплохой талант красноречия и даже, неожиданно, запомнил фразу, сказанную им недавно.

— Слова молодого господина рода Сяо кажутся вполне разумными, но вынести какие-либо мысли из них нельзя, — внезапно донёсся голос напротив.

Этот прохвост, Су Цзиньчао, только что вернувшись на своё место рядом с Хэ Юаньцзянем, по-видимому, был совершенно глуп и, воспользовавшись моментом, когда У Цянь подносил вино князю, и дождавшись, пока Его Светлость через несколько минут вернётся к себе за столик, немного привёл мысли в порядок, дабы снова попытаться при удобном случае отыскать княжеские пороки.

— М? Позвольте спросить помощника Су: какие мысли нельзя вынести из моих слов?

На что Су Цзиньчао зло вернул:

— Разве не Вы только что говорили про человеческую жизнь и равенство?

В голове Фэн Мина пронеслось:

«Неужели ты совсем не пропустил ни единого моего слова мимо ушей, раз запомнил столь существенную фразу?!»

После чего князь кивнул:

— Верно.

— Следовательно, в глазах молодого господина рода Сяо у какого-то простого народа тоже есть какая-то ценная жизнь и мечты?

— Конечно. — И Фэн Мин с серьёзным видом продолжил: — Они простой народ, а не «какой-то» народ. То, что должно определять, каким является человек — благородным или всё же подлым — может быть только собственное поведение, а не происхождение.

Словно ухватив княжеское упущение, Су Цзиньчао обнажил в уголках губ шелковинку лукавости и самодовольства:

— Согласно Вашему мнению, если все люди мира, в том числе и какие-то простолюдины, погонятся за какими-то радостями жизни, то кто тогда будет заниматься земледелием, ткацким и другими низменными делами? Ха-ха, ха-ха, а это значит, что Ваши слова не более чем пустые мечты и всё. Неужели люди, страдающие от голода, станут искать радость жизни?

Этот подлец Су... Не будь они на банкете, под пристальными взглядами собравшихся гостей, то Фэн Мин просто-напросто схватил бы его глупое, но всё же очаровательное лицо, и как следует расцеловал бы несколько раз, да ещё с удовольствием, в знак благодарности.

Вот уж действительно идеальное[10] сотрудничество.

Ведь князь беспокоился, что никто из присутствующих от избытка чувств не сможет поддержать тему о равной милости, но в итоге Небеса тотчас же ниспослали «самоотверженного» Су Цзиньчао.

Стоило словам Су Цзиньчао сорваться с уст, как князь ещё больше воспрял духом и, облокотившись на столик, слегка вытянул стройные ноги, которые были согнуты в коленях, тем самым удобно сев боком, поправил превосходно вышитый длинный подол платья, после чего принял умиротворённый вид, словно велась приятная беседа, и с лёгкой улыбкой переспросил:

— Почему Вы считаете, что земледелие и ткацкое ремесло — это низменные дела?

Помощник Су неотвратимо думает, что все люди на земле слишком простые и однообразные. Но это не так, у каждого человека есть свои мечты, свои увлечения и свои таланты. Кто-то искусен в управлении и как раз занимается урегулированием чиновничьих споров, кто-то задумывается над вопросами общего положения и, соответственно, управляет придворными чинами...

На что Су Цзиньчао с холодной усмешкой спросил:

— Тогда, естественно, кто-то искусен в земледелии?

— Верно. — Фэн Мин не мог позволить себе гневаться, поддавшись поведению этого надменного типа, ведь он собирался совершить большое дело, а именно распространить указ Жун Тяня «О равной милости». И донести мысль указа до данного «министра» была одной из важных задач Его Светлости.

Потому Фэн Мин уверенно добавил:

— Кто-то искусен в выращивании и, хорошо изучив погодные условия и почву, как раз занимается земледелием; у кого-то от природы золотые руки и он может создавать изумительную посуду, например, чашечки и блюда, и в итоге становится выдающимся ремесленником. У каждого есть свои достоинства, своя особая работа, нужно лишь раскрыть их, а когда разовьёте, независимо от ремесла, будете делать всё возможное, улучшая и проживая замечательную жизнь.

— Пф, ну конечно, взять и начать сравнивать низшие ремёсла с обязанностями императорских министров.

На что Фэн Мин спокойно, без какой-либо боязни блёкло ответил:

— Верно. Ремёсла, как и другие дела, не делятся на низменные и благородные, в моих глазах крестьянин, хорошо возделывающий землю, по крайней мере, заслуживает больше уважения, чем генерал, который, завидев врага, в страхе покидает поле боя. Человеку нужно лишь овладеть любимым ремеслом, и он сможет заниматься тем, что ему по душе, это и есть благородство. Разве не слышали фразу «существует триста шестьдесят профессий, и в каждой можно стать мастером[11]»?

Все изумились. «Существует триста шестьдесят профессий, и в каждой можно стать мастером»? Гости действительно впервые слышали подобное высказывание.

Заметив, как Су Цзиньчао снова краснеет от злости, многознающий Хэ Юаньцзян в глубине души вздохнул. В те годы, следуя за Жун Тянем, мужчина занимал пост управляющего общегосударственными налогами и немного знал об умениях князя Мина, который обычно казался наивным и простодушным, однако когда дело касалось управления государством, князь произносил поразительные речи, его высказывания всегда отличались глубинным смыслом, причём настолько, что становилось страшно, а иногда даже сам государь был крайне восхищён его мнением, так каким способом Су Цзиньчао решил тягаться с Его Светлостью?

Но, будучи силэйским послом, мужчина не мог позволить, чтобы Силэй в чужой стране в стенах императорского двора потеряло лицо, потому Хэ Юаньцзян хоть и не хотел сталкиваться «лбом» с князем Мином, был вынужден вновь беспомощно открыть рот.

— Прошу простить этого посла за высказанную фразу, — легко кашлянул мужчина, — если судить по утверждению молодого господина рода Сяо, то у каждого есть собственный потенциал, позволяющий ему заниматься тем или иным ремеслом. А имеющий способность управлять государственными делами может стать чиновником. Так позвольте спросить: должен ли государь, согласно Вашему мнению, обладать способностью, дабы занимать своё

место?

Бах! Этот удар был подобен звону утреннего колокола[12], который зазвенел от удара тяжёлого молотка, заставляя барабанные перепонки хаотично задрожать.

Действительно, старый имбирь нельзя недооценивать, данным козырем Хэ Юаньцзян тотчас же вогнал тщательно выстраиваемый Фэн Мином спор в ужасную ловушку. Всё принадлежащее к императорской власти являлось передающейся из поколения в поколение неприкасаемой вещью.

Потому множество взглядов упало на княжеское лицо, дабы увидеть, какая будет у Его Светлости реакция.

Паника шквалом охватила разум, сам князь изначально планировал постепенно, сквозь высказывание «каждый выполняет свою работу», объяснить присутствующим точность закона выбора, что нёс указ «О равной милости».

А сейчас?

Сохраняя на лице спокойную лёгкую улыбку, князь в душе пребывал в смятении[13], ведь данный вопрос являлся несколько предусмотрительным и, вероятно, сразу мог обрушить пренебрежительные обвинения со стороны императорской власти страны Тун, тем самым разрубая тело князя на множество кусочков, однако в решающий момент категорически нельзя было трусить, иначе все старания пропали бы даром, а в будущем пойдёт слух о княжеском позоре, и тогда введённый с большим трудом указ «О равной милости» немедля рухнет, как карточный домик.

Проклятье! Было бы замечательно, окажись здесь Жун Тянь... Не пойдёт! Нужно обойтись собственными силами. Нельзя, как раньше, во всём полагаться на Жун Тяня!

Пока князь незаметно подбадривал себя, в глубине его глаз вновь возник бой, произошедший на реке Оман, когда он, Фэн Мин, пошёл до конца, не взирая на смерть, и, сделав глубокий вдох, Его Светлость, вздёрнув голову, ясно ответил:

— Верно.

Вслед за этим в зале немедля стали раздаваться то тут, то там тихие возгласы. Ну а принцесса Чан Лю с тревогой посмотрела на Фэн Мина.

А он, в свою очередь, слово за слово спокойно продолжил:

— Исполнять роль государя — это самая тягостная доля в мире, быть государем означает денно и ночью работать, не покладая рук, на благо государства, не позволяя себе ни малейшей халатности либо ошибочного решения, иначе государство будут ждать плохие последствия, а

именно упадок.

Хэ Юаньцзян собирался было уже открыть рот, однако принцесса Чан Лю, сидящая рядом с посланником Силэй, холодным взглядом одарила мужчину, тихо выпуская недовольный вздох. Ведь, заключив тайный союз с Его Светлостью, принцесса, разумеется, не могла допустить, чтобы с князем Мином случилась какая-либо беда, несмотря на нежелание прилюдно демонстрировать их взаимосвязь и всегда стараясь не выказывать свою позицию, однако в нынешний неблагоприятный момент принцессе только и оставалось, что пойти на риск — помочь князю Мину.

При этом Чан Лю надеялась, что на неё не станут смотреть подозрительно.

— В таком случае, — опередила девушка Хэ Юаньцзяня и, сделав шаг вперёд, легко разомкнула алые губы, сдержанно проронив: — Чтобы выполнять столь мучительную работу, каким особым качеством нужно обладать?

Фэн Мину в очередной раз вновь захотелось крепко обнять и расцеловать, только теперь уже принцессу Чан Лю! Она и впрямь превосходный человек, да ещё и чуткая, не зря «нежеланный государь» Ду Фэн любит её до глубины души, да ещё просил камень Аньшэнь и Вэньлань, специально поднявшись на княжеский корабль.

Князь Мин также переживал, что этот старый имбирь, Хэ Юаньцзян, продолжит приставать и поднимет темы, которые могли так или иначе оскорбить идеологию императорской власти Тун.

— Конечно, государь должен обладать хорошим взглядом, дабы оценивать общее положение дел, и быть искусным в подборе слуг! — ответил Фэн Мин, словно наслаивая одну фразу на другую, а затем продолжил: — Подбор слуг является крайне важным аспектом. Если государство — это доска для шашек[14], то государь как раз-таки является игроком. Каждая фигура, олицетворяющая главу армии, слона или же коня, должна помещаться на определённую для неё позицию. А в будущем каждый имеющий преимущество человек, помещённый на подходящую для него позицию, станет совместными усилиями вносить свой вклад в развитие страны. Если взять неподходящего человека на неподходящую должность, то в таком случае у государства не будет возможности стать могучим и обширным, а государь-игрок потерпит поражение.

— Угу, принцип расположения команды на наших кораблях почти такой же, как и то, о чём говорит князь Мин. Обладающие хорошим чувством ориентирования отбираются в качестве рулевых, обладающие умением карабкаться специально назначаются смотровыми, которым приходится лазить по парусам, обладающие сильными руками, соответственно, опускают и поднимают трёхпалый якорь, — лениво вмешался Хэ Ди, тем самым протягивая руку помощи[15] Фэн Мину. Говоря своё мнение, Хэ Ди едва заметно косился на Цзы Яня. — «Этот принц не поверит, что такой мужчина, как ты, способен выдержать и не взглянуть в мою сторону».

Фэн Мин, будучи крайне благодарным за поддержку, вымолвил:

— Действительно так.

— Поэтому Жун Тянь внедряет указ «О равной милости», отменяя наследственную и переходя на выборочную систему, — Хэ Ди благополучно «взял в щепоть» только что предоставленную информацию от Кун Лю, — и вовсе не собирается расшатывать устои Силэй, а чтобы изыскать наиболее подходящие кандидатуры. Только так Силэй сможет продолжать оставаться могучим государством.

Увидев, как взгляд чёрных, словно оникс, глаз молодого генерала наконец-то был обращён в его сторону, Хэ Ди растянул губы в кривой улыбке, сдавливая ладонью белоснежную грудь рядом находящейся с ним красавицы, и кончиком пальца обвёл сосок, скрывающийся под тонкой тканью наряда. Порочный дух разлился во все стороны.

Цзы Янь сделал так, как хотел Его Высочество: внезапно вспомнил ту ночь, когда Хэ Ди, оказавшись на палубе корабля, сорвал с него верхнюю одежду и остриём меча фривольно[16] коснулся его тела, после чего выпрямил шею и, с пренебрежением посмотрев на Хэ Ди, отвернулся.

— Именно так!

Сидящий позади подчинённый до скрежета зубов ненавидел Хэ Ди, в отличие от своего господина, который хотел крепко расцеловать уже третьего человека, даньлиньского принца, за уникальную сметливость, хоть этот тип на реке Оман разбил корабли рода Сяо в пух и прах[17], но, похоже, данный проступок он уже искупил. Это был шанс, и, опираясь на поток северо-западного ветра, дующего со стороны принца Даньлин, Фэн Мин с лёгкостью направил мысль в соответствие с собственным желанием[18]:

— Жун Тянь разработал указ «О равной милости» вовсе не для того, чтобы предать Силэй, а хотел позволить своей стране сохранить своё величие.

Выборочная система позволит отыскать множество способных людей, а это, в свою очередь, поможет действительно талантливым людям проявить свои умения, позволяя как можно большему количеству силэйцев найти свои способности, тем самым ещё больше улучшая условия жизни народа.

Чем дольше говорил князь, тем трогательнее становился, изящно наблюдая за собравшимися гостями:

— Только представьте, происхождение и ранги больше не могут опутать нас. У каждого есть своё умение, позволяющее тому, кто обладает способностью к живописи, стать первоклассным художником, обладателю золотых рук стать первым в династии умельцем, понимающему в строительстве мастеру — воздвигнуть самый красивый императорский дворец, имеющему поэтический дар стать выдающимся поэтом на века, а истинному воину, возглавляя войска, охранять территорию страны, разве так не здорово? Цель данного указа — отобрать талантливых людей и сохранить величие Силэй. Дабы позволить силэйцам наслаждаться покоем в семье и радостно работать, так неужели подобное неправильно? Жун Тянь, как

государь, питал любовь не только к знатым и верным столетиями Его Величеству семьям, но и также испытывал нежные чувства к собственному народу, неужели это считается проступком? Уважать одарённых Небесами талантливых людей, внедряя выборочную систему, дабы найти выдающиеся личности, позволяя им служить на благо государства, это неужели настоящее злодеяние? Жун Тянь вовсе не предавал Силэй, он никогда не предаст Силэй.

Интонация Его Светлости, которая поначалу звучала мягко и тонко, по мере продолжительности «лекции» становилась воодушевляющей, заставляя кровь в жилах бурлить, с последним словом Фэн Мин, почувствовав, как необычайно бешено бьётся сердце, замолк и несколько раз глубоко вздохнул, успокаивая учащённо-вздымающуюся грудь.

Впрочем, это действительно было очень здорово! «Жун Тянь, я, наконец-то, перед многочисленной аудиторией высказал всё: и злость, и обиды, коим тебя безжалостно подвергли».

На самом деле князь мечтал, чтоб Тун-эр, этот мелкий подлец, тоже оказался здесь. «Посмотрел бы, как он оспорил бы твой указ «О равной милости», ручаюсь, он кроме избитых слов[19], повторяя какие-либо устои предков насчёт высших и низших рангов, не сказал бы ничего».

И Фэн Мин окинул взором гостей, замечая, как многие изменились в лице. Были ещё те, кто, опустив голову, молча размышляли.

— Замечательно! — в просторном зале раздался томный голос Хэ Ди. — «Чтобы заполучить этого мужчину, нужно сначала постараться поддержать своей речью храброго князя Мина».

В Хэ Ди уживались две сущности — принц и пират. Не спрашивая, сразу отнимать — таковы были манеры пирата, с которыми Его Высочество уже познакомил князя Мина на реке Оман. А выказав милость, потребовать вознаграждения — являлось чертой как раз знати императорского рода, более того, Хэ Ди планировал сегодня вечером на банкете хорошенько ею воспользоваться.

— Если щедр государь, тогда богато и могущественно государство. Если народ наполнен жизнерадостностью, то и государство сможет жить. — Даньлинский принц больше не облакачивался на подушку, наоборот, сел прямо. Ведь поначалу, когда он непристойно полулежал, выглядел немного как бродяга[20], однако сейчас, сев на колени и выпрямив стан, Хэ Ди продемонстрировал упругое и стройное тело, силу которого нельзя было недооценивать.

В момент данного высказывания послы из Силэй и Цин Ли, согласно этикету, были вынуждены запастись небольшим терпением и ждать, когда им позволят вставить слово, если таковое имелось.

Хэ Ди продолжил, смеясь:

— Я тоже происхожу из императорского рода, с детства пользовался всяческими богатствами и почестями, но чем дальше, тем не интереснее всё становилось, если каждодневно вести сытую и весёлую жизнь, то она и впрямь становится слишком скучной, однообразной. Молодой господин рода Сяо верно подметил, самое важное — не еда и одежда, не наслаждения или мучения, а возможность прожить замечательную жизнь.

Цин Чжан на правах хозяина должен был принести гостям радость и вновь вернуть атмосферу праздника, поэтому, надев маску любопытства, спросил:

— О чём же таком замечательном упоминает принц, в конце-то концов?

Загадочно улыбаясь, Хэ Ди ответил:

— В моём теле есть одна очень замечательная рана.

— Э?

Тотчас же на глазах у всех собравшихся гостей Хэ Ди распахнул верх одежды, обнажая плечо, на котором красовался давно заживший шрам, и искренне произнёс:

— Не могу скрывать, но искусство меча у этого принца[21], считаю, отточено в совершенстве. Овладев им, этот принц ещё ни разу не был ранен, но никак не думал, что однажды встречу с мужчиной, который также недурно владел мечом, коим этот принц позже был сражён.

Обвившись, словно змея, вокруг тунского принца, Чан И, обнажив кокетливый вид, льстиво пролепетала:

— Ой, это, наверное, очень больно.

— Боль — это всего лишь чувство. Но в миг, когда остриё меча пронзило тело, меня внезапно охватило крайне приятное и потрясающее волнение.

— Ха?

— Само собой, я никогда раньше не испытывал столь замечательного чувства, словно этот принц отыскивал единственную цель, которая вдруг обдала скучную жизнь свежим ветром.

Всё, как сказал молодой господин рода Сяо: наполненная радостью жизнь.

На что Цин Чжан пошутил:

— По-видимому, цель принца Хэ Ди — непрерывно выискивать того, с кем можно посоперничать в искусстве меча, дабы вновь отведать вкус поражения.

Хэ Ди надменно покачал головой, сардонически[22] отсмеявшись:

— Нет, моя цель — удержать поток морского ветра, что заставил мою кровь вскипеть, и навечно заключить в объятия. До сих пор в памяти всплывают отрывки того поединка, многие скажут: «Вкус красавицы самый превосходный в мире», но я считаю, вкус того момента намного слаще. — Последняя фраза капля за каплей становилась приглушённое, а затем Его Высочество зацокал языком, будто смаковал послевкусие дивного лакомства.

Сидящий плечом к плечу с Цзы Янем Жун Ху, увидев, как товарищ непрерывно стискивает в руках меч, в изумлении приподнялся и шёпотом спросил:

— Где что-то неладное? — и настороженно огляделся.

Лицо Цзы Яня своей чернотой напоминало дно котла[23], а сам молодой генерал процедил, скрежеща зубами:

— Ничего.

Бах! Снова звон ворвался в зал, в очередной раз заставляя перепонки задрожать.

Вслед за ним послышался далёкий отголосок.

Цин Чжан, словно догадавшись, самодовольно поднялся на ноги и, подняв чашечку, обратился с предложением к окружающим:

— Уже одиннадцать часов, потому больше не посмею утомлять дорогих гостей и слишком напиваться. Сегодня крайне радостно было слушать высокое ученье. Цин Чжан почтит этим вином всех вас в знак благодарности.

Все понимали — одиннадцатый час означал, что очередной банкет в стенах императорского дворца Тун подошёл к концу, более того, увидев, что Цин Чжан поднялся, чиновники один за другим с чашечками вина в руках последовали его примеру. Вместе выпили.

Фэн Мин с тремя охранниками, находящимися сзади, выдохнул с облегчением. Вечерний банкет, где опасность подстерегала со всех сторон, в итоге закончился, к тому же с неплохими результатами.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: действовать по шаблону, погрязнуть в косности; по старинке. «Учитель Мо-цзы сказал: «При выполнении дел в Поднебесной нельзя обойтись без подражания образцу. Без подражания образцу не было завершено ни одно дело. Даже мудрейшие служилые, будучи

полководцами или советниками правителя, — все они следуют определенному методу». Фраза взята из книги «Мо-цзы», упоминание о которой можно прочесть в «Средневековые исторические источники востока и запада».

[2] 天馬行空 (tiān mǎ xíng kōng) — тьянь ма син кун — «небесный скакун мчится по воздуху», обр. в знач.: полёт мысли, богатство воображения, неуёмная фантазия.

[3] 縱橫天際 (zònghéng tiānjià) — цзунхэн тьянься — данная идиома означает «путешествовать по миру без каких-либо преград».

[4] Фэн Мин произносит 蝮 (lóuyǐ) — лоуи — «медведки и муравьи», обр. о ничтожестве, никчёмном человеке; насекомые.

[5] Обр. в знач.: жить сегодняшним днём; влачить бесцельное существование.

[6] Обр. в знач.: возвышаться над окружающими, выделяться, возвыситься.

[7] В сказке говорится о Чжуан-цзы, увидевшего себя во сне мотыльком и после пробуждения размышлявшего, не является ли он мотыльком, которому снится, что он Чжуан Чжоу, или наоборот. Именно эту историю Фэн Мин рассказал в главе 61-ой. Также обр. в знач.: пустые сомнения, разбиваемые действительностью.

[8] В оригинале фраза звучит как «глаза вытаращены и язык онемел», обр. в знач.: опешить, остолбенеть, онеметь, лишиться дара речи.

[9] Фэн Мин говорит 家母嚴命 (jiāmǔ yánmìng) — цзяму яньмин — первую часть слова (家母[цзяму]) можно перевести как «моя мать», но употребляется в разговоре с собеседником, вторую часть (嚴命[яньмин]) можно перевести как «строгий приказ» и также «воля отца».

[10] 天衣無縫 (tiānyī wúfèng) — тьянь и у фэн — досл. «платье небожителей не имеет швов», обр.: совершенный, безупречный, без изъянов, идеальный.

[11] 三鞭補腦汁 (sānbǎiliùshíháng, háng háng chū zhuànguán) — саньбайлюшихан, ханхан чу чжуанюань — также можно перевести как «прилагая усилия, можно добиться успеха в любом деле».

[12] Полная фраза звучит так: «Вечерний барабан и утренний колокол — доходящие до сознания и сердца слова». 暮鼓晨鐘 (mùgǔ chénzhōng) — мугучэньчжун — букв. «вечерний барабан и утренний колокол (в буддийском храме)»; обр.: наставление, предостережение.

[13] 七上八下 (qī shàng bā xià) — ци шан ба ся — это последняя часть от идиомы 七上八下—— 七上八下 (shí wǔ gè diào tǒng dǎ shuǐ) — шиу гэ дяотун дашуй — ци шан ба ся — «черпать воду пятнадцатью ведрами — семь подняли, восемь упали», обр. быть в смятении.

[14] Фэн Мин говорит 盤地 (pán dì) — пань даци — 盤 (пань) — можно перевести как «шашечница», «площадь», «плацдарм», а также «партия (в игре)»; 地 (даци) — облавные шашки, также родовая морфема для игр с фигурами или шашками подобного рода.

[15] 一臂之力 (yībì zhī lì) — и би чжи ли — «сила одной руки», обр. в знач.: протянуть руку помощи, помочь, подсобить.

[16] 輕佻 (qīngtāo) — цинбо — можно перевести как «легкомысленный», «фривольный», но также «непристойный».

[17] 打打洛呼(ǎ dǎ luò huā liú shuǐ) — да дэ лохуалюшуй — разбить наголову, разбить в пух и прах, всыпать по первое число, не оставить и мокрого места.

[18] 挥洒(huī sǎ zì rú) — хуэйса\хуэйшай цзыжу — полностью данная идиома переводится как «владеть кистью, рисуя и описывая (что-либо), как вздумается (по своему желанию)».

[19] 陈词滥调(chéncí làn diào) — чэнь\чжэнь цян ланьдяо — избитые слова и приевшаяся песня; надоевшая всем околесица; шаблонная фраза.

[20] 流氓气(liú máng qì) — люман ци — первая часть 流氓 переводится как «хулиган\шпана\бродяга», а вторую часть 气(Ци) помимо «газ\воздух\дыхание\запах» и «злость\обида» можно перевести еще и «нрав\замашки\манеры».

[21] Хэ Ди говорит о себе.

[22] Злобно-насмешливо, презрительно.

[23] 黑锅底(hēi rú guō dǐ) — хэй жу годи — «чёрный, как дно кастрюли», обр. очень чёрный.

<http://bllate.org/book/13377/1190249>